

**ОЛЬГА
САВЕЛЬЕВА**

Автор бестселлеров
«Апельсинки»,
«Два сапога»,
«Попутчица»,
«Ну ма-а-ам!»,
«Лучше», «Седьмая»,
«ПлоХОРОШО»

ПРО

**ЖИ
ВАЯ**

Как оставаться
счастливым,
проживая самые
сложные моменты
жизни

Записки российских блогеров

Ольга Савельева

**ПроЖИВАЯ. Как оставаться
счастливым, проживая самые
сложные моменты жизни**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савельева О. А.

ПроЖИВАЯ. Как оставаться счастливым, проживая самые сложные моменты жизни / О. А. Савельева — «Эксмо», 2021 — (Записки российских блогеров)

ISBN 978-5-04-119716-2

В мотивационных историях часто фигурируют эдакие «железные люди»: которых про «встань и иди», которых раз за разом шелкали по носу, унижали, которых сталкивали нос к носу с душевной болью, а они... вставали и шли дальше. Однако в большинстве случаев такие истории либо раздражают, либо погружают в уныние: почему они смогли, а ты – нет?.. Новая книга писателя и автора нескольких бестселлеров Ольги Савельевой о том, что мы в большинстве своем вовсе не «железные человеки», а самые обычные люди, сотканные из плоти, крови, смеха, слез, гнева, любви, боли, радости. И о том, как важно вовремя подключать осознанность и проживать то, что подкинула тебе жизнь – как плохое, так и хорошее. Ведь, в конце концов, не зря же в глаголе «прожить» кроется тот самый сокровенный смысл, который про «жить»? В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119716-2

© Савельева О. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Введение	6
Ты не упадешь, пока я рядом	7
Обогреватели	12
Такой день	15
Запасное колесо	18
Я все могу	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Савельева
ПроЖИВАЯ. Как оставаться счастливым,
проживая самые сложные моменты жизни

© Савельева О.А., текст, 2021

© Шварц Е.Д., иллюстрации, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Введение

Проживая – это деепричастие.

Когда я придумала это название для книги, то сразу разглядела в нем прилагательное «живая» и поняла, что книга будет про него.

Не про прилагательное, а про живого человека.

ЖИВЫЕ ЛЮДИ НЕ МОГУТ БЫТЬ ВСЕ ПОВАЛЬНО ГЕРОЯМИ, НЕ МОГУТ БЫТЬ ВСЕГДА УСПЕШНЫМИ ИЛИ ЗДОРОВЫМИ. В ИХ ЖИЗНИ ЧАСТО ВСТРЕЧАЕТСЯ ЧАСТИЦА «НЕ». ОНИ КУДА-ТО НЕ УСПЕЛИ, ЧТО-ТО НЕ СМОГЛИ, ЧЬИ-ТО ОЖИДАНИЯ НЕ ОПРАВДАЛИ.

Но в эти периоды они по-прежнему живые, а возможно, даже счастливые.

Как это? Как можно быть счастливым, не обладая идеальной фигурой, огромной суммой на счетах, карьерой на зависть всем бывшим одноклассникам, семьей как с открытки?

Вот в книге и будет ответ на «Как?»

– Погоди, я не понял, это книга о слабостях? – уточняет редактор.

– Не о слабостях. А о нормальностях. Знаешь, вот я последние несколько недель хандрю. Вчера суп сварила. И это мой главный подвиг за весь день. У меня сейчас озноб и слабость, но я не слабая. Просто невозможно все время быть эффективной. Я вот разрядилась и спокойно проживаю этот период, заряжаюсь.

– То есть книга о супе?

– Книга о том, что иногда подвиг – это спасти человека. А иногда – суп. Иногда успех – это стоять перед многотысячным рукоплещущим залом. А иногда успех – это прожить свой четверг, никого не обидев, включая себя. И кулем перевалиться в пятницу. И не считать при этом, что с тобой все не так. Все так. Просто период такой.

– Давай назовем книгу «Период супа»? – шутит редактор.

– Проживая суп, – поддерживаю я юмор.

– «Проживая» звучит как «прожевывая».

– Хм... Прикольная метафора. Надо, кстати, прожевывать пищу тридцать три раза, чтобы усвоилась. С жизнью так же. Надо проживать ее подробно, чтобы лучше усвоилась реальность.

Пока я писала эту книгу, побывала в разных состояниях: и «период супа» был, и период лютой эффективности.

Жизнь – синусоида. То вверх, то вниз, то вверх, то вниз.

И эти долгожданные взлеты, когда кажется, еще чуть-чуть, и ты потрогаешь космос, и свободные падения в пропасть супа – все вместе и есть жизнь.

Вот об этом и книга.

Смейтесь. Плачьте. Читайте. Думайте. Кайфуйте. Делайте то, что шепчет сердце.

И помните, что в словосочетаниях «проживая счастье» и «проживая горе» деепричастие остается главным членом предложения – проживая...

«Проживая» – книга про живых людей, которые учатся понимать жизнь.

Ты не упадешь, пока я рядом

Папа приехал летом и научил Олю кататься на двухколесном велосипеде.

Ей давно пора было научиться, но бабушка очень боялась разбитых коленок, а дедушка был немножко провидцем, но исключительно в разрезе предстоящих травм, и часто говорил: «Да она сейчас навернется».

И сразу после этих слов Олечка, как правило, послушно наворачивалась.

Поэтому ей было уже пять, даже ближе к шести, а велик – все еще четырехколесный.

Папа прилетел неожиданно. Во всяком случае, для Олечки.

Она проснулась утром, и дедушка сказал: «А у нас для тебя сюрприз». В комнату вошел папа...

Вечером Оля с папой пошли гулять.

Тут и выяснилось про велосипед. Даже стыдно на четырех колесах в таком возрасте.

– А почему дедуля не открутил колеса? – спросил папа. – Чего проще-то...

– Он боится, что я навернусь.

– А ты навернешься? – уточнил папа.

– Думаю, да. – Олечка кивнула.

Бабушка говорила, что врать нельзя – Боженька покарает. Поэтому Оля сказала правду: всегда наворачивалась, почему же в этот раз должно быть иначе?

– Не-е-ет, – папа внимательно посмотрел на Олю. – Я же буду рядом. Пока я рядом, ты не упадешь.

ОЛЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛИСЬ ПАПИНЫ СЛОВА. «ПОКА Я РЯДОМ, ТЫ НЕ УПАДЕШЬ». ОНИ КАК БЫ ОБЕЩАЛИ, ЧТО ПАПА БУДЕТ РЯДОМ ВСЕГДА, ЧТОБЫ ОЛЯ НЕ ВЗДУМАЛА УПАСТЬ.

Ну или ей так показалось.

И папа был рядом, пока она крутила педали своего уже двухколесного велосипеда. Он бежал, тяжело дыша, почти задыхаясь – ведь был совсем не спортивный, – но не выпускал седло велосипеда.

Оля ехала и знала: «Папа рядом!» Ей было надежно и спокойно. Она не падала. Видимо, папа тоже был провидцем – не зря же он дедушкин сын. И она отлично проехала с папой пять кругов по школьному стадиону. А потом еще пять – уже без папы.

Оля вдруг увидела, что по полю бежит дедушка. Бежит, трясет руками и кричит: «Она же сейчас упадет!»

Видимо, магия дедушкиных предсказаний сильнее, чем папиных (наверное, потому что дедушка старше и дольше практикуется), но Оля вдруг наехала колесом на камень (и откуда он тут взялся?) – и действительно упала.

Больно разбила коленку. Папа потом дул на нее, промывал водой, опять дул и спрашивал: «Не больно? Точно не больно?» У папы было виноватое лицо, хотя он был ни в чем не виноват.

Когда Оля падала, дедуля обычно говорил: «Хватит ныть», а бабуля мазала зеленкой, заливая ее в самое пекло ранки. Никто никому не дул и ничего не спрашивал.

Дома бабуся хотела намазать ранку зеленкой, но папино дыхание было лучшим обеззараживающим средством.

– Мне уже не больно, – сказала Оля.

– Все равно надо помазать, чтобы нагноения не было, – сказала бабушка.

– А можно папа?

И папа делал все так аккуратно, дул на коленку, чтобы обезболить, гладил, тревожно смотрел в лицо и снова спрашивал: «Не больно?»

Нет. Не больно.

Оля плавилась от счастья от такого концентрированного внимания. Чтобы получать его, она готова была падать каждый день. Если цена любви – боль, то пожалуйста, возьмите сколько надо, можно без сдачи.

«Хоть бы папа никогда не уезжал», – думала Оля.

– Папа, ты не уедешь? – спрашивала она.

Папа отводил глаза. Взрослые всегда так делали. Не говорили, когда он приедет. Не говорили, когда он уедет. Тоже сюрприз, наверное.

А потом папа просто пропал. Оля просыпалась, а никто не спал в большой комнате на диване. И он застелен даже так, как когда в доме нет гостей.

**ПРОСТО ПРОПАСТЬ – ЭТО НЕЧЕСТНО. ЭТО БОЛЬНО. БОЛЬНЕЙ
ПРОЩАНИЙ И ГОРЬКИХ СЛЕЗ В ЕГО ПЛЕЧО. БОЛЬНЕЙ, ЧЕМ УПАСТЬ
С ВЕЛОСИПЕДА И РАЗОДРАТЬ КОЛЕНКУ.**

И в тот раз Оля как-то вдруг почувствовала: папа скоро пропадет. Вот раз – и нет. Эта мысль сильно печалила Олю, она капризничала, часто плакала и плохо спала ночью.

Бабушка пожимала плечами, говорила: «Будто подменили ребенка».

Она имела в виду, что раньше Оля так себя никогда не вела.

Однажды под утро (часов в пять) Оля услышала копошение в большой комнате. Спронься долго не могла понять, что происходит, потом разобрала голоса.

Папа сонно говорил, что провожать его не надо, что «вдруг Оля проснется», бабушка перечисляла, что приготовила ему в поезд и как упаковала, дедушка предлагал попробовать завести машину (в последнее время его «Москвич» подозрительно чихал на дороге).

Остановились они на том, что бабушка и дедушка проводят папу до остановки троллейбуса, который идет до вокзала.

Потом еще минут десять возни и разговоров шепотом, затем все из большой комнаты переместились в прихожую. Бабушка вздыхала над тяжестью чемодана и умоляла не забыть про пирожки. Дедушка советовал не сводить глаз с вещей и не ходить курить на станциях.

Потом они присели на дорожку.

Наконец входная дверь квартиры очень тихо открылась и так же тихо закрылась. В доме повисла тишина.

Оля лежала на кровати, по ее щекам текли слезы. «Пока я рядом, ты не упадешь», – внутри нее пульсировала эта папина фраза.

Теперь она упадет, ведь папа больше не рядом, и с каждой минутой он все дальше и дальше от нее.

От этой мысли Оле стало так больно и плохо, что она вся сжалась. А чтобы не падать, надо быть рядом с папой, а значит...

...Троллейбус № 2 курсировал от стадиона до вокзала. Папа вошел в заднюю дверь. На остановке остались грустный дедушка и заплаканная бабушка. Они подняли руки на прощание, и папа тоже махал им, глядя в заднее стекло троллейбуса. Троллейбус № 2 медленно тронулся и поехал по своему маршруту...

Но что это?

Девочка лет пяти на двухколесном велосипеде резко съехала с тротуара и помчалась за троллейбусом прямо по дороге. Машин было мало, а она так быстро, так отчаянно крутила педали, что почти догнала троллейбус.

Внутри у заднего стекла метался папа. Он жестами показывал девочке, что ей надо остановиться и вернуться домой. Очень опасно ехать прямо по шоссе, домой, Оля, домой, домой...

Троллейбусу везло со светофорами, он проскочил на зеленый целых три светофора подряд и свернул на другую улицу, где и была следующая остановка.

А девочка застряла колесом в канализационной решетке, потом светофор заставил ее пропустить машины, которые ехали наперерез, и когда она повернула за угол, троллейбуса уже не было.

Он сбежал.

На остановке стоял папа. Он был очень злой.

– Что ты делаешь?! – спросил папа слишком строго.

– Ты сказал, что пока ты рядом, я не упаду...

– Я сейчас из-за твоих капризов опоздаю на поезд! Ну что ты творишь! Ты же уже взрослая девочка!

– Я не хочу, чтобы ты уезжал.

– Нет слова «хочу», есть слово «надо».

– Есть слово «хочу»!

– Ну тогда я хочу, чтобы ты села на велосипед и немедленно поехала к бабушке и бабушке. Они, наверное, уже с ума сходят. Тут недалеко, только по тротуару. Давай, живее! Ну!

– Папа, у меня тоже есть слово «хочу», и я хочу...

– Оля, бегом! У бабушки сердечный приступ будет! А я еще успею на поезд, если на тридцать восьмой автобус сяду. Давай...

К остановке подъехал нужный автобус, папа шустро подхватил чемодан и взбежал на подножку.

Через заднее стекло он показал ей кулак и тут же превратил его в машущую ладошку. Езжай домой. Ну же, ну...

Оля смотрела, как автобус уезжает в сторону вокзала.

ПАПА ЕДЕТ ДОМОЙ, И ОЛЯ СЕЙЧАС ПОЕДЕТ ДОМОЙ. ПОЧЕМУ ИХ «ДОМОЙ» РАСПОЛОЖЕНЫ В РАЗНЫХ ГОРОДАХ? ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ЖИВУТ В ОДНОМ ДОМЕ?

Взрослые всегда отводили глаза, отвечая на этот вопрос. Они всегда отводили глаза, когда знали, что ответ Оле не понравится.

Оле очень хотелось, чтобы папа, как тогда, когда она упала, тревожно всмотрелся в ее лицо и спросил: «Тебе не больно? Не больно?» Ей было больно, очень больно, особенно там, где невозможно помазать зеленкой, и очень хотелось кому-то об этом рассказать.

Но никто не спрашивал.

Олечка села на велосипед и поехала обратно. Не надо быть провидцем, чтобы понять: дома ей очень сильно влетит.

От бабушки, у которой разболится сердце, и от дедушки, который испугается за бабушку. Наверное, это очень приятно, когда за тебя кто-то сильно волнуется.

Оля не знала, как объяснять бабушке и дедушке. Решила, если они что-то будут спрашивать, она просто отведет глаза. А что? У взрослых же так работает...

Дома Оля пройдет мимо бабушки и дедушки, и, не отвечая на их истерические крики: «Где ты была?», уйдет в свою комнату, ляжет в кровать, накроется одеялом и, как ни странно, крепко заснет.

Чтобы со второй попытки проснуться в этот день и снова расстроиться над диваном в большой комнате, который застелен так, будто у них нет гостей.

Нет. Не жалеите меня. Это не обо мне рассказ. У меня в детстве даже велосипеда не было...

Обогреватели

Моим финансовым коучем была тетя Оля. Я произносила это в одно слово и получалось «тетеля».

У нее что ни фраза, то тренинг личностного роста. Я жалею, что не записывала.

Например, она часто говорила: «У катафалка нет багажника». Это означало, что на тот свет денег с собой все равно не возьмешь, поэтому лучше потратить все в этой жизни и не жалеть.

А я как раз тогда копила на новую дубленку.

– Сколько накопила уже? – спрашивала тетя Оля.

Я отвечала.

– О-о-о, – хохотала она. – Так ты до смерти будешь копить. И будешь или самой богатой старушкой на кладбище или в дубленке.

Я смеялась вместе с ней. Было совсем не обидно.

У теть Оли была палатка со жвачками, конфетами, сигаретами и пивом, расположенная в удачном месте: с одной стороны – завод, с другой – автосервис, до ближайшего магазина далеко.

Работяги – основной контингент покупателей.

Палатка была холодная, продуваемая всеми ветрами. Летом это было удобно, зимой – невыносимо.

Продавцом там работала моя мама, а я – на подхвате – подменяла ее, пока мама бегала оттаивать в фойе завода.

Та зима была очень теплой: и декабрь, и январь температура толклась около нуля. Для прогулок – идеально, но, когда ты весь день с девяти утра до восьми вечера сидишь в холодном жестяном коробе, все равно холодно.

Однажды тетя Оля заехала навестить нас с мамой, проболтала с нами час и сказала в качестве резюме: «Так, я все поняла, девчат, надо срочно покупать мощный обогреватель, а то такие циститы вам потом не вылечить».

То есть она поняла, что это проблема, и сразу ее стала решать. Я таких людей называю «человек – инфинитив». Они, как глагол, отвечают на вопросы «что делать?», «что сделать?» И делают. Сразу – результат. Обожаю таких людей.

Тетя Оля нашла деньги и продавца, который обещал достать два мощных обогревателя с большой скидкой.

Заплатила ему. Подождала три дня.

А он пропал. Обманул. Воришкой оказался. Тетя Оля осталась без денег, а мы – без тепла.

Она, расстроенная, приехала рассказать нам о том, что случилось, и попросить продержаться еще несколько дней.

Мы втроем сидели в палатке, грустили по поводу того, что мир населен мошенниками.

Тетя Оля хрипло спросила:

– Интересно, как с такой совестью люди спят?

– В тепле, наверное, – с сарказмом заметила я.

– Тепло обогревателя не растапливает заледеневшую совесть.

– Ну, будем считать, что им просто очень нужны были деньги.

– Нет, Оль. Им нужно было много денег, причем чужих. И как я забыла, что соперничество за ограниченное количество «всех денег мира» может стать маниакальным...

Я сразу поняла, что она имела в виду: когда ты становишься денежным маньяком и деньги для тебя получаются важнее людей, это, возможно, кратковременно делает тебя богаче, но точно не счастливее.

– А вообще, – добавила спустя минуту тетя Оля. – Это хорошая новость. В каком-то смысле. Значит, я слишком долго была окружена исключительно порядочными людьми, расслабилась.

Тем не менее нам с мамой было не до красивых фраз. Мне было ужасно обидно. За маму и за себя. В те дни, как назло, еще включились морозы, работать стало совсем невозможно.

Плюс у меня случилась личная трагедия.

Молодой человек Виктор, галантно ухаживающий за мной уже несколько месяцев при помощи свиданий, комплиментов, одиноких розочек в целлофане и модных шоколадок, был случайно замечен мною в компании другой девушки.

У нее в руках была роза в целлофане и шоколадка «Сникерс». Мне стало очевидно, что Витины комплименты она уже тоже прослушала.

Я КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ УМЕЮ УСТРАИВАТЬ
СКАНДАЛЫ. ПОЭТОМУ Я ПРОСТО ПОБЕЖАЛА ДОМОЙ ПЛАКАТЬ
И ВЫТЬ В ПОДУШКУ, А ВИКТОР ДАЖЕ НЕ ЗНАЛ, ЧТО Я ИХ ВИДЕЛА
В ОБНИМКУ С СОПЕРНИЦЕЙ, ОН НЕДОУМЕВАЛ, ПОЧЕМУ Я ВДРУГ
ПЕРЕСТАЛА БРАТЬ ТРУБКУ.

В семнадцать лет такие предательства переживаются масштабно. Это настоящая взрослая драма, и слезы накатывают постоянно, особенно когда взгляд натывается на чужое счастье, и на полном серьезе рассматривается перспектива уйти в монастырь после зачета во втором семестре.

В тот вторник я оставалась в палатке за главную.

Мама приболела, я решительно отправила ее домой, уверила, что справлюсь.

Мне не привыкать, да и, если честно, прямо хотелось побыть одной: при маме рыдать из-за Виктора было как-то совестно. Тем более что мама к моим ухажерам относилась с пренебрежением, говорила свое коронное: «У тебя этих Викторов еще будет знаешь сколько?»

Почему-то от такой поддержки становилось тошно, она совсем не выглядела вдохновляющей, скорее наоборот, пугала: если кругом одни «Викторы», то я точно в монастырь.

В общем, мне очень кстати было поработать одной: буду мерзнуть и страдать, подробно проживая смерть своей несостоявшейся любви.

В итоге я так и сидела в окошечке, нахохлившись, в двух пуховиках, шапке, вся заплаканная и изо всех сил несчастная.

Тетя Оля заехала внезапно и привезла обогреватели.

– Ой, ничего себе! А где вы взяли?

– Купила.

– А деньги?

– Заняла! И парня нашла, который подешевле продал.

– Опять?! А если бы снова обманул?

Мне в тот момент казалось немыслимым снова поверить человеку. Все люди – сволочи. Они воруют чужие деньги, разбивают вдребезги чужое доверие, говорят одно, а делают другое. «Человекам нельзя верить!» – весь мой вид: пуховик, лохматость, красное от слез лицо – говорил об этом.

Тетя Оля посмотрела на меня внимательно и спросила: «Мальчик?»

Я кивнула. Слезы с готовностью потекли по щекам. И тут она обняла меня крепко-крепко: «Девочка моя, ну что ты!» А потом сказала важную и мудрую фразу, которая всю мою последующую жизнь помогает проживать сложные времена: «Если вовремя не отпустить прошлое, оно задушит будущее, детка».

Я внимательно посмотрела на тетю и вдруг поняла, что она говорит совсем не про обогреватели...

Такой день

Вот бывают такие дни... Я сидела на полу в гостиничном номере и рыдала.

Как-то все сразу навалилось: подстава от той, кому верила, ссора с мужем, усталость, декабрь и простуда – как всегда некстати. А еще я умудрилась глубоко порезаться бумагой, рана ныла и зудела, и мне стало казаться, что я вся, с головы до пят, заштрихована бумажными порезами.

Я сидела прямо на паласе, напротив входа в ванную. Там надпись: «Если полотенце нужно поменять, бросьте его на пол».

Я чувствовала себя полотенцем, которое использовали и бросили на пол. Нужно заменить его на новое, чистое, не запятнанное жизнью...

**МНЕ БЫЛО ТОШНО. ХОРОШЕЕ СЛОВО. КАК БУДТО ДУШУ
ТОШНИТ НОВЫМ ЗНАНИЕМ, КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ ЗАБЫТЬ, НО ЭТО
НЕВОЗМОЖНО.**

В нашумевшем фильме «Джокер» главный герой – человек с психическим диагнозом. Он написал в своем дневнике, что худшее в этом заболевании то, что люди ожидают от тебя такого поведения, будто его (заболевания) нет. А оно – есть.

Когда у вас болит душа, это тоже не очевидно другим. Для всех вы обычный человек в кофоне собственной репутации.

Например, я веселушка. От меня люди ждут обычно легкости и юмора. Но я живой человек, регулярно проживающий сложные жизненные испытания. Иногда внутри меня – топор, слякоть и болото. И ни капли легкости.

Мы ничего не знаем друг о друге.

Например, идет женщина по улице. Женщина как женщина. А она после аборта и плачет в себя. А люди вокруг думают: «Наверное, за продуктами вышла, за сметаной и колбасой».

Или идет мужчина, вчера получил бумаги из суда о разводе с любимой женщиной, но на лбу это не написано, а в душе у него – Хиросима.

Однажды я дала задание сыну: найди в интернете десять интересных фактов о чем угодно. Я хотела увлечь сына глобальной паутиной, чтобы он восхитился тем, как много она знает, насколько она всеядна и разнообразна.

Сын рассказал мне девять фактов, а десятый все никак не мог найти – буксовал. И вот он, уже уставший от новой информации, приходит ко мне и говорит:

– У машин есть колеса, и колеса эти надувают, внутри них живет давление. Так вот, оно – три бара, а чтобы сварить кофе эспрессо, нужно давление в пять раз больше.

Я не знаю, зачем это запомнила, но было ощущение, что на меня сейчас обстоятельства оказывают такое давление, что никакому эспрессо не снилось.

**ВНУТРИ МЕНЯ ЖИЛ ГНЕВ. Я ЗЛИЛАСЬ НА СЕБЯ И НА ТЕХ,
КТО НЕ ОПРАВДАЛ МОИ ОЖИДАНИЯ. ПРОБЛЕМА БЫЛА В ТОМ, ЧТО
Я ИХ ЛЮБИЛА, А ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ПРОСТО ВЗЯТЬ И УЙТИ,
ВЫЧЕРКНУВ ИХ ИЗ ЖИЗНИ, НЕ ПОЛУЧИТСЯ.**

Меня всегда в таких ситуациях спасает творчество. Нырну в телефон, напишу текст – и мне лучше.

Я открыла телефон и тут же увидела каскад уведомлений от разных соцсетей и мессенджеров. Я блогер, а личка у меня открыта. Мне пишут много хорошего, но и плохого пишут немало. Чаще всего плохое – это не в смысле «ах ты дрянью», а «помогите, у Вас же есть аудитория».

В качестве примера: летом у нас горела Сибирь, и в сети много обсуждали тот факт, что мы не тушим лес. Люди переживали, кипели возмущением, создавали петиции. Знаете, сколько раз мне в личку прислали информацию о горящих лесах, петициях, о том, что «надо что-то делать»?

Сто семнадцать.

Я посчитала от отчаяния. Мне стало казаться, что это лично моя проблема – горящий лес... Он горит, а я бездействую.

Так вот я открыла письма, а там...

Помогите, у нас хотят построить мусоросжигающий завод; помогите, маленькая Маша без вас умрет; помогите, потерялся щенок и дети плачут; помогите, у сестры сгорел дом и все имущество; помогите-помогите-помогите...

Я отложила телефон. Никто не пишет блогерам хорошие новости. Не принято это. А плохие – пожалуйста.

Трогил чужих проблем мог рвануть в любую минуту, но моя душа была заминирована личной болью, и вот это ощущение, что хуже некуда, укутывало меня спасительным безразличием.

С моей стороны это было лакированным хамством, но я никому не ответила. Не было сил.

Почитала комментарии к своим публикациям. Много восторгов, много хейта, к которому невозможно привыкнуть. Меня поражает категоричность, с которой люди выбрали видеть во мне врага и уверенность, с которой они все обо мне поняли по моим постам. Будто я поклялась протоколировать свою жизнь, а они, детективы, сопоставили события – и не сошлось. Тогда они сразу разгадали, кто я.

Тут вон порой всю жизнь веришь человеку, а через двадцать лет оказывается, что зря. А они прочли пост от тетьки незнакомой из сети – и привет. Все понятно им...

БЫВАЮТ ТАКИЕ ДНИ, КОГДА КАЖЕТСЯ, ЧТО БОГ ЗАМОТАЛСЯ И ЗАБЫЛ О ТЕБЕ. И ТЫ, МАЛЕНЬКАЯ, РАСПЛАСТАЛА ЛАДОШКИ НА ХОЛОДНОМ СТЕКЛЕ ЖИЗНЕННОГО ДЕТСКОГО САДИКА И НЕ МОЖЕШЬ ПОВЕРИТЬ, ЧТО ТЕБЯ ЗАБЫЛИ, А ВПЕРЕДИ – ХОЛОДНАЯ НОЧЬ И НИКТО-НИКТО НЕ ПРИДЕТ.

Я, не вставая, открыла свой рюкзак. Из него выкатился мандарин. Муж успел сунуть мне его при прощании, и этот оранжевый путешественник проехал со мной уже два города. Я очистила его и стала задумчиво есть.

Говорят, боязнь Бога делает людей хорошими, а плохие – бесстрашные грешники.

Мне хотелось бы поговорить с Богом, так сказать, взять у него интервью. Измотала меня жизненная несправедливость – интересно, Он так и задумывал? Хочется отдохнуть в беспроblemном пространстве. Это в принципе возможно для взрослого человека? А вот тот факт, что во всех моих жизненных ипостасях не бывает одновременно хорошей погоды – это только со мной так или у всех?

Я захотела еще мандарин, полезла в рюкзак, а там больше не было мандарина, зато был конверт. Его мне дала визажистка, я заезжала к ней на макияж перед аэропортом и, пока она крутила мне локоны, я накрутила ей нервы своими проблемами.

А она у меня верующая очень, пропускает мои новости через фильтр Божьей мудрости.

Когда я уже уезжала, она за пять минут, пока я болтала с ее сестрой, набросала что-то на листках и протянула мне конвертик:

– Я там тебе высказывания из Библии выписала. Посмотри, когда время будет. Они помогут принять.

А я и забыла. Бегом же вечно, опаздываю...

И вот я открываю конверт и первая же фраза: «Всякий человек должен быть скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев (Иакова 1:19)».

Я зависаю. В этой фразе много ответов специально для меня. Будто Он сел напротив и дает мне то самое выпрошенное интервью.

А вот и про любовь: «Любовь долготерпима и добра... Любовь покрывает множество грехов (1 Петра 4:8)».

Я вдруг понимаю, что меня давно забрали из детского сада, а я тут устроила.

Удивительно, как иногда Бог отвечает на мои вопросы прямым текстом.

Я встала, выбросила мандариновые очистки, решительно умылась, вытрясла из души эмоциональный хлам. Жизнь продолжается, надо построить лесенку важных действий и жить по ней. Простить, помириться, перестать злиться, улыбнуться.

Я заклеила бумажный порез пластырем и посмотрела на себя в зеркало. Декабрь как декабрь. Просто чуть меньше гнева. Просто чуть больше любви.

Запасное колесо

Однажды мы с подругой ехали на машине и пробили колесо. Машина стала вилить на дороге, мы испугались, припарковались на обочине.

– Ничего, – успокоила меня подруга. – У меня есть запаска.

Она имела в виду запасное колесо, которое нам любезно помог поставить вместо пробитого сердобольный водитель грузовичка.

Уже минут через двадцать мы снова ехали туда, куда и собирались, как ни в чем не бывало, и, пережив вместе стресс, с преувеличенным восторгом обсуждали, что замена колеса, вопреки ожиданиям, это совсем не сложно. Раз – и новое колесо. Дело нескольких минут.

Буквально на следующий день я брала интервью у мамы мальчика, у которого обнаружено неизлечимое генетическое заболевание. Маму звали Валентина. Целью интервью был сбор средств на реабилитацию ее сына.

Мы отлично поговорили под камерами, а уже потом за кадром выяснилось, что живем недалеко друг от друга, и я вполне могу подвезти ее домой.

Когда мы сели в машину, Вале будто подменили. Она на интервью говорила милые, правильные и вдохновляющие вещи, вселяющие надежду на лучшее будущее, а тут, при выключенных камерах, как-то сразу ссутулилась и говорит:

– Я так устала...

Я поняла, что вот сейчас она настоящая, и только теперь началось интервью.

**ОНА РАССКАЗАЛА, ЧТО НЕ МОЖЕТ РАЗРЕШИТЬ СЕБЕ
СМЕЯТЬСЯ И НАСЛАЖДАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ, ЗНАЯ, ЧТО У СЫНА
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ.**

У нее не получается отвлечься от черных мыслей, силы духа не хватает на то, чтобы не плакать при сыне, а еще она больше не верит в счастье.

А еще... Она переполнена обидами на бывшего мужа.

Нет, он хороший отец, и, когда они расхотелись, диагноз сына еще даже не маячил на горизонте.

То есть он ушел не от диагноза, а от нее, и не надо предъявлять ему малодушие.

Нормальный мужик, просто не получилась семья. А сына он очень любит, очень.

И когда узнал, что случилось, долго не мог поверить. Бормотал: «Надо пересдать, они ошиблись, у нас в роду все здоровы...»

Валя взяла бывшего мужа и повела к генетику. Чтобы тот, аргументируя анализами, все объяснил. Бывший муж мог не верить Вале, потому что она не врач, но генетику-то он поверит точно, он же эксперт.

Генетик не знал, что муж – бывший, они выглядели вполне себе действующей парой, сплоченной общей бедой, внезапным диагнозом ребенка.

– Это из-за меня? – побелевшими губами спросил бывший муж у генетика.

Генетик сказал, что они не должны себя винить, что сломанный ген в ДНК сына – это обстоятельства, судьба, рок, если хотите, а не «что мы сделали не так».

– Вы вполне можете родить вашему мальчику здорового братика или сестричку, – заверил генетик.

Когда они вышли в коридор, бывший муж сказал Вале, что в течение месяца организует переезд из другого города на соседнюю улицу, чтобы «быть вместе с сыном».

Еще он сказал: «Мы должны теперь быть сильными, стать командой, мы должны помочь нашему мальчику с этим справиться».

Хороший бывший муж. И отец прекрасный.

Валя смотрела на него и не могла вспомнить, почему они развелись.

Потому что его слова она услышала как «давай снова сойдемся».

Он переедет на соседнюю улицу, а потом в соседнюю комнату, а потом, наверное, они снова будут вместе.

Валя помнила, что они все время ссорились до развода, но не могла вспомнить почему. Диагноз сына очень быстро рассортировал жизненные события на важные и не очень. Оказалось, что те, из-за которых они ссорились, – такие неважные, что память даже не удосужилась их запомнить.

И вот, полные надежд на воссоединение семьи, Валя с сыном ждали папу.

Он выполнил свое обещание – переехал поближе к ним. И через пару дней написал Вале, что хочет с ней поговорить.

Валя намечтала, что он будет говорить о воссоединении. Нарядилась, накрасилась, накрутила локоны. Пришла на встречу.

Бывший муж, немного волнуясь, сказал, что он женился. И что у него через пару месяцев родятся дети. Сразу двойня.

То есть он выполнил предписание генетика – родить братика или сестренку старшему сыну, – но обошелся в этом деле без Вали.

Она сидела за столом в том кафе и ощущала, как внутри разливается боль.

Валя как-то сразу вспомнила, почему они постоянно ссорились: бывший муж никогда и ни в чем ее не поддерживал. В его лексиконе почти не было комплиментов, были только претензии и замечания. То есть если Валя приготовила вкусный ужин, он мог сказать, увидев, что в раковине стоит замоченная сковородка:

– Ты умудрилась сжечь сковородку?

Это вместо: «Спасибо, милая, как все вкусно!»

Вале было очень плохо.

СЧАСТЬЕ БЫВШЕГО МУЖА РАНИЛО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ЕГО МИЛОСЕРДИЕ. ПОЛУЧАЛОСЬ, ЧТО ОНА ОШИБЛАСЬ, КОГДА НЕ УДЕРЖАЛА ЕГО. А ОН УШЕЛ – И ТУТ ЖЕ НАШЕЛ СВОЕ НОВОЕ СЧАСТЬЕ.

И вообще непонятно, было ли старое счастье или весь брак с Валею был ошибкой. Ошибка в ДНК судьбы...

Вале было стыдно за себя. За то, что она в принципе могла подумать, что муж хочет к ней вернуться. Напоманилась, как школьница, надеялась. Кто же в здравом уме захочет возвращаться к женщине, которая рождает детей с синдромами и сжигает сковородки, готовя ужин...

– Нет-нет-нет, – я долго слушала Валью молча, но тут не смогла смолчать и замотала головой. – Зачем ты берешь на себя ответственность в том, в чем не виновата? Не надо с собой так, Валь. Ты нужна сыну.

– Да это я так... Люблю иногда пожалеть себя. Я работаю с психологом, знаю, что упиваться драмой и быть жертвой людям выгодно, это такая манипуляция.

– Ничего себе, какая ты осознанная, Валя!

– Да, спасибо. Знаешь, что сложнее всего пережить?

– Что?

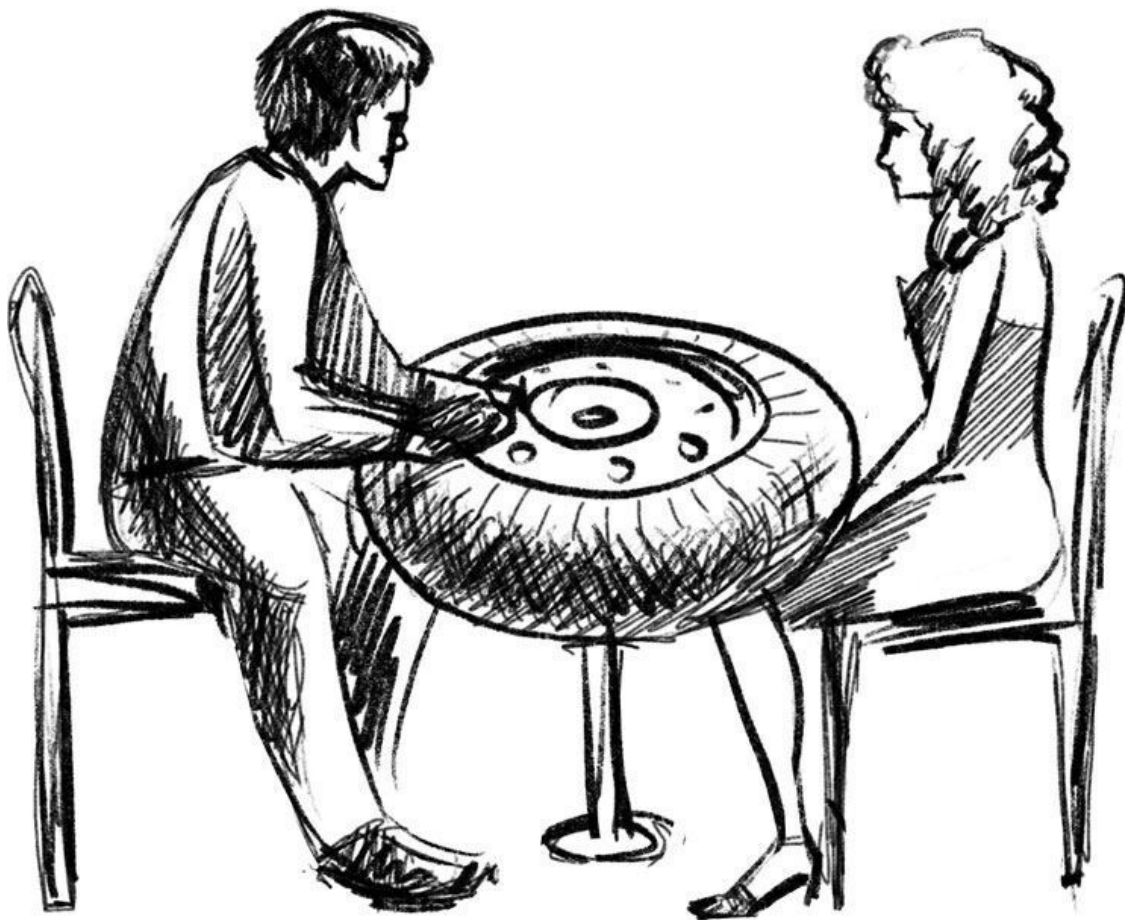
– Мне казалось, что я особенная. Таких, как я, больше нет. И мне плохо от того, что оказалось... меня так легко заменить. Просто вот раз – и есть кто-то другой... Прямо дело нескольких месяцев... дней... часов... минут.

Почему-то ассоциативный ряд вывел меня на вчерашние события с пробитым колесом. Мы там тоже произносили это выражение «дело нескольких минут».

Валя и не знала, что у мужа есть запаска...

Мысль показалась мне страшной, я отогнала ее.

– А еще, знаешь... – Валя смотрела в окно. – Вот мы уже несколько лет живем с сыном вдвоем, боремся: реабилитации, больницы, операции, коляски. Это сейчас моя жизнь, единственная. Я знаю, что это неправильно, что я должна развиваться еще в каких-то ипостасях, но у меня, знаешь, как-то не хватает ресурса. Пока отвезешь его в школу, потом в магазин метнешься, еду приготовишь, потом за сыном – и с ним в бассейн, потом на ЛФК, затем уроки, я к вечеру с ног валюсь. Не представляю, где здесь впихнуть время на себя. Так вот... Бывший муж, у которого новые дети и новая жена, иногда, когда мы ссоримся из-за чего-то, грозит забрать старшего сына себе и при этом говорит фразу: «Ну вот что, ну вот что ты такого делаешь, чего я не смогу?»

И эта фраза – большое пощечин. Она берет – и обесценивает всю Валину жизнь, а миссию сдувает до последней капельки энергии.

Бывший муж, наверное, не имеет в виду ничего такого плохого и уж тем более не хочет обидеть, просто говорит о том, что отвезти ребенка на плавание или к логопеду может не только Валя.

Самое страшное в этом для Вали – что он прав. Эта миссия служения своему ребенку, выдуманная ею как новый смысл, получается никакая не миссия, а просто перечень функций, которые может выполнять кто угодно.

Я опять мотаю головой.

– Нет-нет-нет, Валя, что ты такое говоришь! Ты нужна своему мальчику. Ты его главная реабилитация, ты! То, что ты – рядом, а не бассейн и тренажеры. Потому что твоя связь с сыном – его главная скважина любви, надежды, энергии и веры в себя. Кто угодно теоретически может отвезти его в бассейн, это да, но никто не заменит маму.

Мы с Валеёй поплакали немножко еще около ее дома, а потом она вытерла слезы и побежала к сыну. Потому что папа привезет его минут через двадцать, а у нее не готов ужин.

Я ехала домой и думала о том, что потребность быть уникальным – это, наверное, нормальная потребность любого человека.

У МЕНЯ НЕДАВНО БЫЛ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, И КАЖДЫЙ ВТОРОЙ ПОЗДРАВЛЯЮЩИЙ ЖЕЛАЛ МНЕ «БЫТЬ ТАКОЙ, КАКАЯ Я ЕСТЬ» И «ОСТАВАТЬСЯ СОБОЙ». ЭТО ОНИ О ЧЕМ? О ТОМ, ЧТО Я УНИКАЛЬНАЯ? МЫ ВСЕ УНИКАЛЬНЫЕ. НО УНИКАЛЬНОСТЬ НЕ РАВНО НЕЗАМЕНИМОСТЬ.

Пару месяцев назад мне позвонила знакомая, которая работает ведущей. Так вот, она сломала ногу и попросила провести мероприятие за нее.

А я уже сто лет не работаю ведущей, растеряла все навыки, поэтому говорю:

– Не уверена, что справлюсь.

– Лучше ты, чем пустая сцена, – пошутила знакомая.

– Ну да, в соревновании с пустой сценой я побеждаю уверенно, а вот в соревновании с профессионалами...

– Оль, в нашем бизнесе полно халтурщиков. Они напористые и наглые и стоят порой дороже профессионалов. И это обидно. Я очень хорошо понимаю, что я прекрасный профессионал, но незаменимых нет.

Я отлично справилась и хорошо провела то мероприятие, кстати. Не без форс-мажоров, конечно, но тем не менее.

Я и про писательство свое так говорю в блоге: друзья, спасибо, что читаете. Я очень рада, что вам нравится. И что, если я пропаду хоть на сутки, вы будете скучать по моим текстам. Но никаких иллюзий у меня нет. Если я так и не вернусь, например, то вы очень быстро замените эту пустоту кем-то не менее интересным. Потому что незаменимых нет. Ведущих, писателей и даже, наверное, мужей и жен.

Но я вам так скажу. Даже если у меня есть запаска, я постараюсь крутиться в этой жизни как можно дольше.

Потому что заменимость не означает, что нас не за что любить. Есть за что.

Например, за то, что мы есть.

Я все могу

Мы тем вечером очень долго гуляли с детьми. Ну правда долго – больше трех часов. В последние полчаса они придумали догонялки по сугробам. Бегали, прыгали, макали друг друга в снег. Мокрые все насквозь. Пока носились, вспотели – и выпили всю воду, которую мы взяли с собой.

Собираясь на прогулку, мы всегда берем бутылочку 0,33 с розовой крышкой, Катину любимую. Вот никакую другую бутылочку Катя (ей пять лет) не признает категорически – только с розовой крышкой.

Вот ее и выпили.

Я стала загонять детей домой. Ведь мокрые же – снег во время игрищ попал и за шиворот, и в сапоги. Дети отказывались наотрез. Мокрые, но румяные, они кричали: «Ну еще минутку-у-у!»

И так все полчаса.

Наконец я проявила строгость и топнула ногой. И через пять минут мы ввалились домой. Голодные, холодные, мокрые.

Я была сосредоточена: у меня «миллион дел». Всех раздеть. Надеть сухое. Мокрое рас- сортировать: грязное – в стирку, не грязное – в сушилку, голодное – на кухню, ужинать.

Плюс я сама носилась вместе с ними, и, если честно, я тоже мокрая и голодная.

Я бегаю по квартире как электровеник: развешиваю шапки и варежки, запускаю стирку, на плите уже разогревается плов – надо помешать, чтоб не пригорел.

Катя в этот момент решает налить в свою любимую бутылочку (с той самой розовой крышкой) воды.

У нас на кухне кулер. Она стала наливать, но не рассчитала и перелила. Дернулась – и вода разлилась вокруг кулера.

– Ой, мам, я разлила, вытри тут, пожалуйста... – зовет растерянно Катя.

– Ага, сейчас, – я мешаю плов.

Катя идет вылить из бутылочки лишнюю воду в раковину, но неудачно наклоняет бутылку, вода проливается около раковины.

– Ой, мама, я и тут разлила, прости. Вытри, пожалуйста...

– Ага, сейчас, – я закидываю джинсы сына в стирку, вытащив из карманов ключи и конфеты. Параллельно вытираю воду около кулера.

Теперь Катя идет к кулеру долить разлитое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.